Н128 556

А

ФОНД
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА И ПРЕДАННЫЕ ГЕРОИ

Москва
«Вече»

Ю.А. ПЕТРОВ

Финансовое положение России в годы Первой мировой войны

Первая мировая война тяжелым бременем легла на экономику России. Расходы на войну только за вторую половину 1914 г. выразились цифрой 2,5 млрд руб., превзойдя издержки на всю Русско-японскую войну. Общий же итог ассигнований на военные нужды с августа 1914-го по февраль 1917 г. составил гигантскую сумму 30,5 млрд руб., или 9 годовых бюджетов 1913 года, последнего мирного года империи[1]. В этой связи потребовались экстренные меры, чтобы удержать страну от финансового кризиса и обеспечить покрытие военных расходов.

Общеевропейская война вынудила российское правительство, равно как и правительства других воюющих стран, за исключением Англии, отказаться от свободного **размена бумажных денег на золото.** 27 июля 1914 г. император Николай II подписал указ, согласно которому «временно, впредь до минования чрезвычайных обстоятельств» прекращался размен кредитных билетов Государственного банка на золото. Закон 27 июля 1914 г. увеличил эмиссионное право Государственного банка с 300 до 1500 млн руб[2]. Решение это, как вспоминал позднее П.Л. Барк, министр финансов в 1914—1917 гг., было вызвано необходимостью сохранить золотой запас, грозивший исчезнуть при массовом истребовании вкладов перед лицом надвигавшейся войны[3].

[1] *Дементьев Г.Д.* Государственные доходы и расходы России за время войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1917. С.31; *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 161. К сентябрю 1917 г. расходы на войну, по разным данным, составляли от 41 до 50 млрд руб. (см.: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С.115; *Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914—1917 гг. СПб., 2002. С. 271).

[2] Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. М., 1994. С. 170.

[3] См.: Воспоминания П.Л. Барка, последнего министра финансов российского императорского правительства // Возрождение. Париж. 1965. № 162. С.98—99.

Усиленная **денежная эмиссия** без золотого покрытия являлась одним из основных источников погашения военных расходов. Вся денежная масса за период с 1 июля 1914 г. до 1 января 1917 г. выросла с 2,3 до 9,3 млрд руб., а необеспеченные золотом кредитные билеты стали едва ли не единственным платежным средством, их доля в общей денежной массе поднялась с 71 % до 98—99 %.

К началу войны в обороте, помимо бумажных денег, находились также и другие денежные знаки: золотая монета на сумму 467,7 млн руб., банковая и разменная серебряная монета на 122,1 млн и медная разменная на 18,5 млн руб. После приостановки размена бумажных денег на золото правительство попыталось изъять из обращения золотую монету для поддержания государственного золотого запаса. Однако население предпочло тезаврировать царские «империалы», не желая возвращать их в казну. В итоге к 1 января 1917 г. на руках оставалось золотой монеты на 436 млн руб., которая в обороте практически не участвовала.

Правительство не раз пыталось извлечь оставшуюся на руках у населения монету из драгоценных металлов, в том числе и через сберегательные кассы. В июле 1915 г. Управление сберегательных касс обратилось к служащим с требованием, «взывая к патриотическому чувству клиентуры», обслуживая вкладчиков золотом вне очереди и т.п., содействовать тем самым обратному притоку в казначейство золотых платежных средств[1]. Меры эти, впрочем, не оказали существенного влияния.

В 1915—1916 гг. из обращения постепенно выпала банковая и разменная серебряная монета, а затем и медные деньги, которые также стали использоваться как более надежное по сравнению с обесценивавшимися кредитными билетами средство накопления. Несмотря на усиленный выпуск металлической монеты за первые два года войны, почти вся она (серебряная на сумму 286 млн руб., медная — на 23 млн) осела на руках у населения. Разменная монета все шире замещалась в обороте бумажными марками достоинством от 1 до 20 копеек, которые принимались в том числе и на денежные вклады сберегательными кассами. «В России, — отмечал а 1916 г. один из ведущих

[1] ЦИАМ, ф. 211, оп. 1, д. 415, л. 135—135 об.

дореволюционных экономистов М.В. Бернацкий, будущий министр финансов Временного правительства, — почти все денежное обращение сверху донизу бумажное»[1].

Накачивание оборота бумажными платежными средствами вело к разбуханию денежной массы при одновременном падении ее реальной стоимости. Реальная же покупательная способность рубля к 1917 г. упала вчетверо — до 27 копеек к довоенному уровню, в то время как рост индекса цен в 7 раз превысил уровень 1914 г. (разница между курсом рубля и индексом цен объясняется ростом денежных доходов населения вследствие военных заказов и поставок, увеличения заработной платы и т.п.)[2].

Инфляционный процесс усиливался и в результате снижения объема **золотого запаса** Государственного банка в связи с выполнением союзнических финансовых обязательств. По официальным данным, сумма золотого фонда банка за 1914—1916 гг. выросла с 1695 до 3617 млн руб., однако около $^2/_3$ государственного запаса значилось как «золото за границею», а именно 2330 из 3617 млн руб. вместе с золотом, отосланным союзникам, но еще не дошедшим до адресата[3]. Основную часть золотых авуаров Государственного банка за границей к 1917 г. составлял так называемый «английский кредит» на сумму 200 млн ф.ст. (около 2 млрд руб. по довоенному курсу). Кредит этот был предоставлен правительством Великобритании осенью 1915 г. «в качестве покрытия для выпусков кредитных билетов» и был обеспечен обязательствами российского казначейства. Россия не имела права расходовать его на другие цели ни в Англии, ни в других союзнических странах, после заключения мира кредит должен был быть аннулирован. Реального золотого содержания русскому рублю он не добавил[4].

[1] *Бернацкий М.В.* Денежное обращение и займы. С. 85.

[2] См.: Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926. С. 5—7; *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960. С. 143—144.

[3] Отчет Государственного банка за 1916 год. Пг., 1917. С. 8.

[4] См.: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 138—140.

Российское же золото из подвалов Государственного банка в Петрограде перекочевывало в Англию и Соединенные Штаты в качестве платы за кредиты на производство вооружения. Первая отправка состоялась осенью 1914 г. на сумму 8 млн ф.ст. (около 80 млн руб.). Всего в 1914 — начале 1917 г. царское правительство выслало «желтого металла» в обеспечение союзнических поставок на сумму около 640 млн руб., или немногим менее половины предвоенного золотого запаса[1]. Если к 1916 г., по данным Государственного банка, его золотой фонд в России составлял 1614 млн руб., то год спустя — 1476 млн, причем уменьшение на 138 млн руб. произошло исключительно за счет вывоза российского золота за границу[2].

Путем крайнего напряжения сил народа покрытие военных расходов обеспечивалось главным образом за счет внутренних ресурсов: к середине 1917 г. на нужды войны израсходовано было около 35 млрд руб., из них 7,5 млрд, или около 20 %, получено из внешнего источника (по военным кредитам союзников), а остальные 27,5 млрд руб. — из внутренних поступлений. Одним из главных источников финансирования войны являлась денежная эмиссия. Количество бумажных денег (кредитных билетов) в обращении с 1665 млн руб. в канун войны выросло к началу 1917 г. до 9103 млн руб., то есть в 5,6 раза[3]. Вместе с тем вплоть до Февральской революции доверие к бумажным деньгам в массе населения оставалось непоколебленным, что в определенной степени сдерживало рост цен и темп инфляции.

Другим важным источником покрытия военных расходов служили **внутренние займы,** с помощью которых правительство получало необходимые средства и в то же время ослабляло

[1] Российский Государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733 — Наркомат финансов РСФСР (Министерство финансов СССР). Оп. 1. Д. 8074. Л. 41; Д. 8516. Л. 127.

[2] Отчет Государственного банка за 1916 год. С. 9.

[3] О денежном обращении в годы Первой мировой войны подр. см.: *Петров Ю.А.* Государственный банк. 1914—1917 гг. // История Министерства финансов России. В 4-х тт. Т. 1. 1903—1917 гг. (Гл. ред. А.Л. Кудрин.) М., 2002. С. 253—262; *Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России. С. 235—251.

негативные последствия выпуска бумажных денег. Займы играли роль антиинфляционного рычага, призванного изъять из обращения часть эмитированных бумажных денег и тем самым стабилизировать состояние государственных финансов. В записке, составленной в Министерстве финансов в начале 1917 г. по поводу займовых операций казны, подчеркивалось, что с помощью этой операции возможно «прочное изъятие кредитных билетов из обращения»[1]. Вплоть до Февральской революции было выпущено внутренних займов на общую сумму 8 млрд руб. номинальных, чистая выручка от реализации которых составила 7528,9 млн руб.[2] Около половины (4033 млн) эмитировал синдикат акционерных коммерческих банков Петрограда и Москвы, остальные облигации на сумму 3967 млн руб. были размещены Государственным банком и привлеченными им к этой операции государственными и частными учреждениями (сберегательные кассы, городские общественные банки, общества взаимного кредита и др.).

Кардинально изменилась в этой связи и функция главного банка страны — Государственного. В отличие от центральных банков других европейских держав, Государственный банк России находился под непосредственным руководством Министерства финансов, что облегчало правительству задачу использования его в качестве органа финансирования военных расходов. Подобную же трансформацию пережили центральные банки и других вступивших в войну держав, прекративших размен бумажных денег на золото (Франция, Германия). Во Франции после прекращения размена центральный банк обязывался выдать авансов казначейству на сумму до 9 млрд франков и выпустить бумажных денег на 18 млрд франков[3]. «Из руководящих учреждений краткосрочного кредита, — отмечали современники, — большинство этих банков превратилось в учреждения, обслуживающие по преимуществу военные финансы государства [...] Сейчас все почти центральные банки воюющих стран имеют главным своим клиентом-должником государство, за-

[1] РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 8525, л. 228.

[2] Там же, д. 8577, л. 56—57.

[3] *Бернацкий М.В.* Денежное обращение и займы // Военные займы. Сб. ст. Пг., 1917. С. 84.

трачивают львиную долю своих средств, получаемых от эмиссионной операции, на финансирование войны»[1].

Если до войны Государственный банк направлял свои средства в торгово-промышленный оборот, то в 1914—1916 гг. он, напротив, использовал собранные на денежном рынке ресурсы для финансирования военных расходов государства. По оценке тогдашних экономистов, за годы войны банк превратился в эмиссионную фабрику, полностью свернув операции на рынке коммерческого кредита.

Тому способствовали объективные факторы — сокращение товарного производства и вексельного обращения в связи с государственной мобилизацией промышленности на нужды войны, переход предприятий на наличный расчет, а также активное внедрение государства в область товарообмена, приводившее к свертыванию свободного рынка и др. «Необходимость продовольствовать армию и распределять недостаточное количество предметов первой необходимости среди населения, — подчеркивалось в официальном отчете банка за 1916 г., — заставило государство взять на себя значительную часть функций торгового аппарата. Это обстоятельство [...] повлекло за собой резкое сокращение оборотов свободной торговли и вытеснение сделок в кредит продажей за наличный расчет»[2].

Влияние военных расходов становилось решающим фактором во всех областях финансового хозяйства. **Государственный долг** России (внутренний и внешний) за 1914 — начало 1917 г. вырос с 8,8 до 39,4 млрд руб., то есть в 4,5 раза[3].

Помимо собственно займов средства с внутреннего рынка капиталов на нужды войны привлекались также в виде эмиссии краткосрочных 5 %-ных обязательств казначейства, представлявших собой векселя российского правительства, которые закладывались в Государственном банке в залог кредитов казне. Указом Николая II от 23 июля 1914 г. одновременно с приостановкой размена бумажных денег на золото Государственному

[1] Цит. по: *Смирнов А.* Деятельность Государственного банка в 1916 году // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 37. С. 309.

[2] Отчет Государственного банка за 1916 год. С. VI.

[3] См.: *Петров Ю.А.* Государственный долг России в начале XX в. // История Министерства финансов России. Т. 1. С. 221—233.

банку предоставлялось учитывать «краткосрочные обязательства государственного казначейства в размере, вызываемом потребностями военного времени»[1]. В итоге краткосрочных 5 %-ных обязательств до марта 1917 г. было выпущено на сумму 11,5 млрд руб. Вместе с внутренними займами они стали главным займовым источником покрытия военных расходов.

Таким образом, денежная эмиссия (9,1 млрд руб. в общей сложности) и позаимствования казны на внутреннем рынке капиталов (19 млрд руб.) фактически полностью обеспечили финансирование военных затрат 1914 — начала 1917 г. Примерно теми же финансовыми приемами пользовались и другие воюющие страны: во Франции внутренние займы принесли в пересчете на русскую валюту 8,4 млрд руб., в Англии даже 21,5 млрд руб. по довоенному курсу. Правда, эмиссия союзниками по Антанте использовалась в относительно умеренных размерах: во Франции количество бумажных денежных знаков выросло за годы войны в 3,5 раза, а в Англии существенно не увеличилось[2].

Российское правительство активно прибегало и к внешним займам в форме правительственных кредитов, используемых для закупки и оплаты заказов по производству вооружения и обмундирования для русской армии. По имеющимся данным, на февраль 1917 г. общий военный долг России «собратьям по оружию» составлял 5,2 млрд руб. Львиную долю (70 %) кредитов предоставила Англия, оттеснившая на второе место Францию — главного финансового партнера России в довоенный период[3].

Налоговые поступления не играли существенной роли в финансировании войны. Дореволюционные русские экономисты справедливо отмечали, что из трех возможных источников покрытия военных расходов (повышение налогов, государственные займы и эмиссия бумажных денег) наилучшим в принципе является налоговый, так как война в этом случае ведется на на-

[1] См.: *Мукосеев В.А.* Военные займы России // Военные займы. Сб. статей под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., 1917. С. 17.

[2] См.: *Кацененбаум З.С.* Война и финансово-экономическое положение России. М., 1917. С. 34—35, 71.

[3] См.: Документы внешней политики СССР. Т.V. М., 1961. С. 304. Данные приведены делегацией РСФСР на Генуэзской конференции 1922 г.

личные, а не в кредит, и платят за нее современники — участники событий, а не их потомки, вынужденные на протяжении многих лет погашать долги отцов[1]. Однако в реальной жизни приходилось считаться с обвальным возрастанием военных расходов, с которым налоговая система не в состоянии была справиться. По подсчетам известного русского экономиста С.Н. Прокоповича, министра торговли и промышленности Временного правительства, за 1914—1916 гг. благодаря введению новых налогов казна выручила всего 1052 млн руб. — цифра, несопоставимая с уровнем военных издержек[2].

Положение государственных финансов усугублялось тем, что с целью «отрезвления подданных в годину испытаний» (выражение из Манифеста Николая II) правительством с сентября 1914 г. было объявлено о прекращении казенной продажи водки. Действовавший на всем протяжении войны «сухой закон» лишил государственный бюджет главного источника поступлений. Казна потеряла около 700 млн руб. годового дохода (за вычетом расходов на винную операцию), которые были компенсированы повышением других видов прямых и косвенных налогов, в том числе подоходного, введенного в 1916 г.

Основные расходы на войну исчислялись по особому военному («чрезвычайному») бюджету и покрывались из специального военного фонда, налоги же являлись опорой ординарного («обыкновенного») бюджета государства. В 1914 г. под влиянием форс-мажорных факторов, связанных с началом войны и ростом расходных статей, бюджет страны вновь стал дефицитным, однако впоследствии правительству удалось добиться профицита бюджета за счет использования экстраординарных (займовых) источников дохода.

Таким образом, в целом правительству Николая II вплоть до Февральской революции удавалось сохранить относительную стабильность государственных финансов.

Временное правительство, признав царские долги и союзнические обязательства, в целом продолжило политику «старого режима» в финансовой области. Политика эта продолжа-

[1] См.: *Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 84—88.

[2] Там же. С. 89.

ла линию царской администрации на финансирование войны путем бумажно-денежной эмиссии и с помощью внутренних займов, однако масштабы этих операций в громадной степени возросли в связи с растущей дезорганизацией экономической жизни. Восемь месяцев, с марта по октябрь 1917 г., оказались периодом жесточайшего финансово-экономического кризиса, отчасти ставшего следствием разгоравшейся борьбы за власть, но в немалой степени его обострению способствовала финансовая политика власти.

«Непосредственными причинами громадного выпуска кредитных билетов, — отмечалось в представлении министра финансов М.В. Бернацкого 6 октября 1917 г., — были не только крупные позаимствования казны в Государственном банке на военные расходы, но также значительные затраты банка по кредитованию закупочных операций Министерства продовольствия... Все более значительная часть военных расходов покрывается за последнее время за счет бумажно-денежного источника»[1].

С марта по октябрь 1917 г. было напечатано кредитных билетов царских образцов на 6412,2 млн руб. Весной 1917 г. были пущены в обращение и собственные деньги нового правительства с упрощенным оформлением — кредитные билеты достоинством 250 (с двуглавым орлом без царских регалий — короны, скипетра и державы) и 1000 рублей (так называемые «думки», с изображением Таврического дворца в Петрограде, где происходили заседания Государственной думы), а летом 1917 г. — казначейские знаки достоинством 20 и 40 рублей (прозванные керенками по имени министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского). Последние выпускались целыми неразрезанными блоками по 40 знаков на общую сумму 1600 рублей, без нумерации, подписей и даты выпуска. Впоследствии многие сельские жители использовали эти суррогатные денежные знаки вместо обоев для оклейки стен. Всего Временным правительством было эмитировано бумажных денег на 9533,4 млн руб., или больше, чем за предыдущие

[1] См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март—октябрь 1917. Ч. 2. М., 1957. С. 423—424.

2,5 года войны, общая сумма бумажных денег в обращении к ноябрю 1917 г. достигла 19574,7 млн руб[1].

Наполнение оборота бумажными деньгами подстегнуло инфляцию, сопровождавшуюся спадом производства и ростом товарных цен, а также катастрофическим обесценением рубля, покупательная способность которого к октябрю 1917 г. упала до 6—7 копеек от довоенного уровня[2].

Нельзя сказать, что Временное правительство не видело угрозы бумажной эмиссии как мощного инфляционного фактора. В проекте обращения первого кабинета Г.Е. Львова к населению страны, подготовленном в апреле 1917 г., прямо говорилось: «Самая серьезная опасность заключается в необходимости до конца войны продолжать выпуск бумажных денег, что роняет покупательную силу рубля и тем самым ведет к удорожанию жизни и к ухудшению общих условий народнохозяйственной жизни». Выход лидерам правительства виделся в выпуске новых внутренних займов, «снимающих с рынка лишние займы и ослабляющих необходимость новых выпусков бумажных денег»[3].

Надежды связывались с реализацией так называемого **«Займа Свободы»**. Открытая 26 апреля 1917 г. подписка на «Заем Свободы», по замыслу руководителя финансового ведомства М.И. Терещенко, должна была стать «лучшим доказательством доверия общества к новому строю и его представителям»[4].

Для реализации займа был образован эмиссионный синдикат в составе Государственного и группы акционерных коммерческих банков, обязавшихся принять от правительства облигаций займа на сумму 3 млрд руб. по цене 85 за 100 номинальных. К октябрю 1917 г. эмиссия займы была успешно в целом завершена: всего размещено облигаций на сумму 3040,7 млн руб.[5]

[1] См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март—октябрь 1917. Ч. 2. М., 1957. С. 424. Представление министра финансов о расширении денежной эмиссии, 6 октября 1917 г.

[2] Наше денежное обращение. С. 10—12.

[3] См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. С. 375.

[4] Цит. по: *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 340.

[5] РГИА, ф. 581, оп. 1, д.330, л. 180—181.

Однако несмотря на внешний успех, эмиссия не принесла ожидаемого результата, так как оплата облигаций производилась населением большей частью не наличными деньгами, а краткосрочными обязательствами казначейства. Произошел в итоге всего лишь перевод краткосрочного долга казны в долгосрочный. Заем не сдержал инфляционной волны, которая с лета 1917 г. захлестнула экономику страны. Чтобы противодействовать ей и обеспечить казне денежные поступления, Временное правительство резко усилило выпуск 5 %-ных краткосрочных обязательств, общая сумма которых с марта по ноябрь выросла на 10 млрд руб. Основная их масса, в противовес чаяниям правительства, осела в Государственном банке в качестве основы для эмиссии бумажных денег, и лишь 2,4 млрд руб., то есть менее четверти, было размещено в частных руках, принеся реальный доход[1].

Выпуск новых бумажных денег продолжался: по ежемесячным балансам Государственного банка прослеживается, что лишь в апреле темп эмиссии упал (476 млн руб. против 1031 млн руб. в марте), но затем маховик бумажной эмиссии начал раскручиваться с новой силой. Растущие расходы на войну и общеэкономический кризис не оставляли правительству выбора. «У нас нет никакого другого способа непосредственно сейчас же заполучить в свое распоряжение денежные знаки… — признавался министр труда меньшевик М.И. Скобелев, — нет более надежного и верного источника, как все тот же злосчастный станок Экспедиции заготовления государственных бумаг»[2]. После февраля 1917 г. это предприятие являлось едва ли не единственным в стране, не сократившим, а резко расширившим объем производства.

Верное союзническим обязательствам Временное правительство продолжило линию на расширение позаимствований у партнеров по антантовской коалиции. За счет военных кредитов оплачивались поставки вооружения для армии, поддерживался курс русской валюты на зарубежных рынках, производилась выплата процентов по государственному долгу. Союзники продолжали кредитование по счетам царского правительства и отчасти открыли новые каналы финансирования для того, чтобы Россия не заключила сепаратный мир. С марта по ноябрь 1917 г. правительство Великобритании выделило России около 408 млн руб., США, официально вступив в войну в апреле 1917 г., предоставило Временному правительству 187 млн долларов (примерно 390 млн руб.). Всего от союзников удалось получить около 2 млрд руб., в то время как царскому правительству за 2,5 года войны было выделено 5,2 млрд руб. Золотой запас при Временном правительстве уменьшился с 3617,9 до 3605,1 млн руб.[1]

[1] См.: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С.141—143.

[2] Цит. по: *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С.353.

Новые внешние долги уступали, таким образом, выручке, полученной от одного «Займа Свободы», но значимость их все же была выше, ибо без реальных союзнических кредитов Россия не могла продолжать войну. Тем не менее на экономическое положение страны в целом они не имели существенного воздействия. Гораздо более весом здесь был фактор роста внутреннего государственного долга, связанного с колоссальной денежной эмиссией. По самым осторожным оценкам, к октябрю 1917 г. государственный долг вырос до 39,4 млрд руб., из которых 7,2 млрд, или менее $^1/_5$ приходилось на долг внешний, а основную часть (32,2 млрд) представляли позаимствования царского и Временного правительств у собственного населения[2].

Временное правительство столкнулось с фактом резкого ослабления налоговой дисциплины. Сбор прямых налогов после февраля 1917 г. существенно сократился: поступления по поземельному налогу — на 30 %, с городской недвижимости — на 40 %, квартирный налог — на 43 %, промысловый — на 19 % и т.д.[3]

Накачивание денежного оборота новыми платежными средствами сопровождалось, как это ни парадоксально, острым дефицитом денежных знаков. Из-за падения курса рубля реальная

[1] Там же. С. 378; РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 8516, л. 107; д. 8074, л. 81.

[2] См.: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 517—518.

[3] См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. С. 417.

стоимость денежной массы, несмотря на гигантскую эмиссию, с 3,2 млрд довоенных золотых рублей сократилась за полгода до 1,9 млрд руб. Причина кризиса заключалась в опережающем росте товарных цен: за второе полугодие 1917 г. количество денег в обращении по сравнению с началом 1914 г. выросло в 8,2 раза, а индекс товарных цен — в 11,7 раз[1]. Дефицит платежных средств в ряде городов и губерний породил выпуск местными органами власти, торговыми, кооперативными и другими организациями своих средств платежа — разного рода чеков, марок, бон и др.

Почти полностью прекратился возврат денег в казну — к осени 1917 г. из почти 20 млрд руб. денежных знаков, выпущенных в обращение царским и Временным правительствами, на руках у населения оставалось около 13—14 млрд руб.[2] Имущие городские слои предпочитали припрятывать деньги, особенно крупные купюры в 100 рублей царского образца. В свою очередь, и крестьянство, напуганное введенными Временным правительством твердыми ценами на хлеб при продолжающемся росте дороговизны на промышленные товары, также придерживало свои целковые в ожидании лучшей рыночной конъюнктуры. «Мы утоляем жажду соляным раствором, — сетовали по поводу денежного кризиса современники, — захлебываемся от бумажной водянки, а между тем ощущаем все более и более сильную жажду»[3].

Финансовое положение страны становилось катастрофическим. Мероприятия советского правительства (бесконтрольная денежная эмиссия, национализация банков и промышленности, аннулирование прежних госзаймов и пр.) еще более способствовали углублению финансового кризиса, из которого Россия сумела выйти лишь после Гражданской войны.

[1] См.: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С.147.

[2] См.: *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 364.

[3] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 39. С. 364—365.

Ю.В. ЛУНЕВА

Черноморские проливы в международных отношениях России и европейских держав накануне Первой мировой войны

Особое место в истории международных отношений занимает проблема Черноморских проливов Босфор и Дарданеллы, которые разделяют европейский и азиатский материки и соединяют Средиземное и Черное моря. Судьба Проливов служила поводом ко многим дипломатическим и военным конфликтам и неоднократно отражалась в исторической, юридической и другой литературе.

Следует отметить, что Черноморские проливы имели для России огромное значение. Основной причиной возрастания экономического значения Проливов было бурное развитие внешней торговли Юга России. Так, за период с 1906 по 1910 г. вывоз хлебных злаков из портов Черного моря составил 4 691 тыс. тонн, из портов Азовского — 2 825 тыс. тонн, а из Балтийского — всего 1 081 тыс. тонн. За 1906—1910 гг. участие черноморских портов в вывозе зерна как с побережья собственно России, так и с кавказского побережья увеличилось с 40 % до 46,5 %, портов Азовского моря — с 22,6 % до 28 %. В совокупности Черное и Азовское моря участвовали, таким образом, в 74,5 % общего движения хлебных злаков. Наконец, в 1913 г. из общего количества 10 670 тыс. тонн вывезенного хлеба 7 900 тыс. тонн, т.е. более 80 %, экспортировались через порты Черного и Азовского морей[1].

Россия в мирное время не испытывала особых затруднений с экономическим использованием Проливов, но Босфор и Дарданеллы всегда имели огромное значение в геополитическом плане. Государство, владевшее Проливами, оказывало все возрастающее влияние на ситуацию в Черном море и в Восточном Средиземноморье.

[1] Проливы. Сборник. М., 1923. С. 64.

Содержание

Предисловие 3

Война, смертельно опасная для России…
Н.А. Нарочницкая 7

Забытая война
А.И. Уткин 21

Романовы. Первая мировая война. Революция
С.В. Мироненко 28

Державные задачи России в работах основателей отечественной геополитики накануне и после Первой мировой войны
А.М. Матвеева 36

Проблема дееспособности российских элит в Первой мировой войне: критика некоторых устоявшихся концепций
Я.А. Бутаков 45

Финансовое положение России в годы Первой мировой войны
Ю.А. Петров 52

Черноморские проливы в международных отношениях России и европейских держав накануне Первой мировой войны
Ю.В. Лунева 65

Предпринимательские организации России и Брестский мир
М.К. Шацилло 87

Первая мировая война и универсалистские проекты реформирования миропорядка
В.В. Романов 101

«Русский капкан» для британской внешней политики после Первой мировой войны
Е.Н. Рудая 114

Версальский мир и изменение ориентиров политики Великобритании
Е.Ю. Сергеев 122

Вильсоновские «14 пунктов» и русские небольшевистские силы на Парижской мирной конференции
С.В. Листиков 129

Антибольшевистская дипломатия в борьбе за участие в Парижской мирной конференции (1918—1919 гг.)
А.В. Смолин 158

Деформация прибалтийских окраин России: социально-политические последствия германского вторжения (1915—1920 гг.)
В.В. Симиндей 178

А.А. Брусилов на посту командующего 8-й армией в Великой войне: 5.08.1914 г. — 17.03.1916 г.
А.В. Олейников 188

Подготовка офицерских кадров русской армии в годы Первой мировой войны
А.В. Марыняк 219

Становление чешско-словацких частей в составе Российской армии в 1914—1917 гг.
А.А. Петров 233

Антивоенные выступления на фронтев марте—октябре 1917 г. Причины и последствия
С.Н. Базанов 262

Первая мировая война в трудах русской военной эмиграции
Ю.В. Рубцов 268

Историческая память и национальное самосознание
М.В. Демурин 289

Стенограмма круглого стола «Образ истории России и Франции в современном общественном сознании наших стран» 295

Сведения об авторах 316